

В. ГОРОДНОВ

нии для всех рас. Жители городского поселка Со-фиатаун потребовали права быть избранными в государственные, провинциальные и муниципальные органы, права на работу, равной оплаты за равный труд, а также запрещения атомной и водородной бомбы. И таких ответов были тысячи.

Политика апартеида привела к тому, что проблема взаимоотношения рас в ЮАР стала одной из самых острых. Правительство Фервурда стремится усилить эту остроту, чтобы не допустить консолидации всех угнетенных и эксплуатируемых независимо от цвета их кожи. И не удивительно, что Хартия свободы уже в преамбуле четко определила свою позицию по этому вопросу: «Южная Африка принадлежит всем, кто здесь живет». «Впервые в истории нашей страны,— писал герой и мученик южноафриканского народа Нельсон Мандела,— демократические силы, независимо от расы, убеждений, партийной принадлежности и религиозного верования, отвергли и осудили расизм во всех его проявлениях, ясно определили свои цели и задачи и объединились вокруг общей программы действия».

Хартия свободы торжественно провозгласила: «Управлять государством должен народ! Все национальные группы должны обладать равными правами. Национальные богатства нашей страны должны быть возвращены народу. Земля должна быть разделена между теми, кто ее обрабатывает. Все должны быть равны перед законом. Все законы, которые проводят дискриминацию на основе расовой принадлежности, цвета кожи или вероисповедания, должны быть аннулированы. Неприкосновенность жилища от полицейских облав должна быть защищена законом. Должна быть работа и уверенность в завтрашнем дне. Мужчины и женщины всех рас должны получать равную плату за равный труд. Двери науки и культуры должны быть открыты для всех».

Это не просто список демократических реформ. Хартия является революционным документом, потому что достижение тех целей, которые она предусматривает, невозможно без коренной ломки экономических и политических порядков в нынешней Южно-Африканской Республике.

Хартия свободы стала программой национально-освободительного движения, в ней сформулированы главные цели демократической революции в Южной Африке. Эта программа получила безоговорочную поддержку со стороны самого передового отряда освободительного движения — Южноафриканской коммунистической партии.

Правительство Фервурда сразу же поняло опасность, которую несет ему Хартия свободы. Орудия пресловутым законом о подавлении коммунизма, оно обвинило в государственной измене 156 южноафриканских патриотов. В качестве главной улики прокуратура избрала Хартию свободы. Но расистов постиг полный провал: судьям пришлось оправдать всех обвиняемых.

Тогда расистское правительство Фервурда — Форстера встало на путь открытого террора. Прогрессивные организации, выступающие против господства белого меньшинства и политики апартеида, запрещаются, а Хартия свободы объявляется самым крамольным документом. Закон о саботаже предусматривает наказание вплоть до смертной казни за малейшее проявление недовольства режимом апартеида. В 1963 году в силу вступает закон о 90-дневном заключении без предъявления обвинения и без судебного разбирательства. Расисты Фервурда оказались достойными преемниками Гитлера.

Более тысячи человек было брошено за решетку, арестованных держали в одиночном заключении, к

ФАКЕЛ, освещающий путь,— так назвал Хартию свободы Альберт Лутули, один из лидеров освободительного движения в Южно-Африканской Республике. Вот уже десять лет светит этот факел в мрачной ночи фашистского режима, и никакие репрессии не смогут погасить его.

26 июня 1955 года в поселке Клиптаун, недалеко от Йоганнесбурга, 2844 делегата Конгресса народа единодушно проголосовали за Хартию свободы. Все провинции, все города и резерваты прислали на Конгресс своих представителей. Здесь были люди всех рас и племен, населяющих ЮАР, различных политических и религиозных убеждений, рабочие, крестьяне, интеллигенция.

Хартию свободы составлял сам народ. «Что бы вы сделали, если бы вы могли составлять законы? С чего бы вы начали, чтобы превратить Южную Африку в счастливый край для всех живущих там?» На эти вопросы, разосланные по всей стране Африканским национальным конгрессом и другими прогрессивными организациями, отвечали десятки и сотни тысяч людей в городах и деревнях, в краалях и локациях. Рустенбургская межплеменная ассоциация фермеров прислала ответ, осуждающий дискриминационную систему «просвещения» банту, законы о пропусках. Фермеры настаивали на восстановлении посевных площадей и пастбищ, прямом представительстве народа в парламенте и равном образова-

ним не допускали ни родственников, ни адвокатов. Чтобы сломить волю своих противников, полиция Форстера широко применяла пытки. В некоторых случаях это удавалось, нашлись отдельные предатели вроде Мтоло и Бейлвелде. Их «показания» послужили предлогом для казни таких борцов за свободу, как Мини, Мкаба, Каинга, Банго, и осуждения руководителей Африканского национального конгресса Нельсона Манделы, Уолтера Сисулу, Гована Мбеки, Уилтона Мкваи и других на пожизненное тюремное заключение или заключение сроком до 25 лет. За последние два года в ЮАР проведено 150 политических судебных процессов, 48 человек приговорены к смертной казни, 14 — к пожизненному заключению, 1202 — к различным срокам тюрьмы.

Последние несколько лет были крайне тяжелыми для освободительного движения в Южной Африке. Но и в самые мрачные дни расистского террора не угасала вера южноафриканских патриотов в правоту своего дела. Хартия свободы по-прежнему была подлинной программой их действий. И недаром Нельсон Мандела, выступая на Ривонийском процессе в апреле 1964 года, грозившем ему и его товарищам по борьбе смертной казнью, заявил, что «главная задача нынешнего дня состоит в том, чтобы избавиться от расовой дискриминации и добиться демократических прав на основе Хартии свободы».

Борьба в Южной Африке продолжается. В стране действуют вооруженные организации борцов за свободу: «Умконто ве сизве» («Копье нации»), Национально-освободительный комитет, Африканское движение сопротивления и ряд других. То, что они делают, — это только начало новой фазы национально-освободительной борьбы в ЮАР. Но и сейчас размах ее весьма значителен. На Ривонийском процессе было перечислено около 200 актов саботажа и диверсий. По сообщению министра юстиции ЮАР, в 1963 году было арестовано 3355 человек по обвинению «в покушении на безопасность государства».

Африканский национальный конгресс, действующий, как и Южноафриканская коммунистическая партия, в глубоком подполье, заявил, что он приспособляется к новым условиям, усиливает меры по обеспечению безопасности и готовится к новым выступлениям против врага. «Враг будет разбит», — писал орган АНК журнал «Спотлайт оф Саут Африка», — так давайте идти вперед, твердо веря и зная, что серьезная ситуация, сложившаяся сейчас в стране, изменится под давлением внешних и внутренних сил». А журнал Южноафриканской компартии «Африкэн комьюнист» недавно подчеркивал: «У народа хорошая память, и когда придет день расплаты, ничего не будет забыто. А этот день придет, ибо Фервурд и его сторонники ведут безнадежную борьбу против всей тенденции исторического развития ЮАР, Африки и всего мира. Ушедшие в подполье силы перегруппировываются и извлекают горький урок из прошлого опыта; в стране проходят новые забастовки вроде забастовки африканских шахтеров в Кругерсдорпе, подавленной с помощью бронемашин типа «Сарацин»; растет разрыв между ужасающей бедностью одних и богатством других, что неизбежно ведет к новым социальным вспышкам».

У миллионов южноафриканцев находит горячий отклик призыв Конгресса, впервые прозвучавший 10 лет назад: «Пусть все, кто любит свой народ и свою страну, скажут теперь, как мы говорим здесь: «Мы будем бороться бок о бок в течение всей нашей жизни до тех пор, пока не завоюем своего освобождения».

БУРНЫЙ ФИНИШ МНОГОЛЕТНИХ ПЕРЕГОВОРОВ

(Окончание. Начало см. на стр. 34)

дычество Японии в Корею было утверждено неприкрытым вооруженным вторжением, то сегодня японский неокOLONиализм вынужден рядиться в тогу добрососедства и благорасположения.

В настоящее время японские монополии планируют широкую экспансию в Южной Корею, руководствуясь прежде всего соображениями экономического характера. Но логика жизни такова, что, независимо от первоначальных целей, всякая империалистическая экспансия неизбежно влечет за собой возникновение широкого круга проблем военно-политического характера.

Сговор между Токио и Сеулом кладет новый камень в стену, разделяющую Корею на две части. Агрессивная политика Соединенных Штатов на Дальнем Востоке привела к тому, что единая корейская нация оказалась расколотой. Если бы Япония действительно стремилась к нормализации отношений со своими соседями, она могла бы способствовать устранению раскола Кореи. В декабре 1962 года правительство КНДР заявило: «Если японское правительство желает разрешить важные вопросы, касающиеся обеих стран, на действительно справедливых основах и в интересах как корейского, так и японского народов, то в принципе эти вопросы нужно разрешать после объединения Кореи. Даже если японское правительство стремится к честному разрешению вопросов сейчас, то было бы справедливее выбрать путь трехсторонних переговоров, включая правительство Корейской Народно-Демократической Республики и южнокорейские власти».

Однако это предложение не встретило поддержки среди правящих кругов Японии. Подобные позиции японского правительства остаются неизменными и по сей день. Уже после парафирования Договора об основных отношениях министр иностранных дел Японии Сиина, отвечая на запрос оппозиции в одном из парламентских комитетов, заявил: «Мы не собираемся восстанавливать дипломатические отношения с Северной Кореей».

Такая позиция противоречит принципам миролюбивой внешней политики и лишний раз свидетельствует о том, сколь сильны в правящих кругах Японии реакционные устремления. Опираясь на эти круги японского общества, Соединенные Штаты стремятся переложить на плечи Японии часть своей агрессивной политики на Дальнем Востоке. Не случайно именно Вашингтон крайне заинтересован в чашно именно Вашингтон крайне заинтересован в скорейшем завершении японо-южнокорейских переговоров, именно он в буквальном смысле слова составлял «высокие договаривающиеся стороны» отбросить разногласия и перейти к выработке общей для Японии и Южной Кореи политической платформы.

До сих пор Южная Корея по праву расценивалась как дальневосточная вотчина США. Сегодня американский империализм, погрязший в агрессии на Индокитайском полуострове, вынужден добиваться помощи японских монополий для укрепления клики Пака. Но все это может привести к тому, что Япония окажется глубоко втянутой в международные авантюры Вашингтона. Вот почему прогрессивные силы Японии и Южной Кореи борются против «нормализации» отношений между Токио и Сеулом. Вот почему эту «нормализацию» не могут приветствовать миролюбивые народы мира.